

Г.Х. Андерсен

Избранные сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А65

А65 **Андерсен Г.**
Избранные сказки / Г.Х. Андерсен – М.: Книга по Требованию, 2022. –
210 с.

ISBN 978-5-458-05965-7

с иллюстрациями. Н. И. Живаго

ISBN 978-5-458-05965-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ШЕРСТЬ НАД ПУБЛИКА

Недолго пробыла она въ лѣсу, какъ уже настала ночь, и Элиза совсѣмъ сбилась съ дороги; тогда она улеглась на мягкій мохъ, прочла молитву на сонъ грядущій и склонила головку на пень. Въ лѣсу стояла тишина, воздухъ былъ такой мягкій, въ травѣ тамъ и сямъ мелькали, точно зеленые огоньки, сотни Ивановыхъ червячковъ, а когда Элиза задѣла рукой за какой-то кустикъ, блестящія насѣкомыя посыпались въ траву звѣзднымъ дождемъ.

Всю ночь снились Элизѣ братья: всѣ они опять были дѣтьми, играли вмѣстѣ, писали грифелями на золотыхъ доскахъ и разсматривали чудеснѣйшую книжку съ картинками, которая стояла полкоролевства. Но писали они на доскахъ не черточки и нулики, какъ бывало прежде,—нѣтъ, они описывали все, что видѣли и пережили. Картины же въ книжкѣ были живыя: птицы распѣвали, а люди выскакивали изъ листовъ и разговаривали съ Элизой и ея братьями; но стоило ей захотѣть перевернуть листъ—они впрыгивали обратно; иначе въ картинкахъ вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько видѣть его за густою листвою деревьевъ, но отдѣльные лучи его пробирались между вѣтвями и бѣгали золотыми зайчиками по травѣ; отъ зелени шель чудный запахъ, а птички чуть не сядились Элизѣ на плечи. Невдалекѣ слышалось журчаніе источника; оказалось, что тутъ бѣжало нѣсколько большихъ ручьевъ, вливавшихся въ рѣчку съ чуднымъ песчанымъ дномъ. Рѣчка была окружена живой изгородью кустовъ, но въ одномъ мѣстѣ дикіе олени проломали для себя широкій проходъ, и Элиза могла спуститься къ самой водѣ. Вода въ рѣчкѣ была чистая и прозрачная; не шевели вѣтеръ деревьевъ и кустовъ, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на днѣ: такъ ясно они отражались въ зеркалѣ водъ.

Увидавъ въ водѣ свое лицо, Элиза совсѣмъ перепугалась такое оно было черное и гадкое; но вотъ она зачерпнула горстью воды, потеряла глаза и лобъ, и опять заблестѣла ея бѣлая нѣжная кожа. Тогда Элиза раздѣлась совсѣмъ и вошла въ свѣжую чистую воду. Такой хорошенькой принцессы поискать было по бѣлу свѣту!

Одѣвшись и заплетя свои длинные волосы, она пошла къ журчащему источнику, напилась воды прямо изъ горсточки и потомъ пошла дальше по лѣсу, сама не зная куда. Она думала о своихъ братьяхъ и надѣялась, что Богъ не покинетъ ея; это Онъ повелѣлъ расти дикимъ лѣснымъ яблокамъ, чтобы напитать ими

голодныхъ; Онъ же указалъ ей одну изъ такихъ яблонь, вѣтви которойгнулись отъ тяжести плодовъ. Утоливъ голодъ, Элиза подперла вѣтви палочками и углубилась въ самую чашу лѣса. Тамъ стояла такая тишина, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждаго сухого листка, попадавагшягося ей подъ ноги. Ни единой птички не залетало въ эту глушь, ни единый солнечный лучъ не проскальзывалъ сквозь сплошную чашу вѣтвей. Высокіе стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатыя стѣны; никогда еще Элиза не бывала въ такой глуши.

Ночью стало еще темнѣе; во мху не свѣтилось ни единого свѣтлячка. Печально улеглась Элиза на траву, и вдругъ ей показалось, что вѣтви надъ ней раздвинулись и на нее глянулъ добрыми очами Самъ Господь Богъ.

Проснувшись утромъ, она и сама не знала, было ли это во снѣ или на яву.

Отправившись дальше, Элиза встрѣтила старушку съ корзиной ягодъ; старушка дала дѣвушкѣ горсточку ягодъ, а Элиза спросила ее, не пробѣжали ли тутъ, по лѣсу, одиннадцать принцевъ.

— Нѣтъ,—сказала старушка;—но вчера я видѣла здѣсь на рѣкѣ одиннадцать лебедей въ золотыхъ коронахъ.

И старушка вывела Элизу къ обрыву, подъ которымъ протекала рѣка. По обоимъ берегамъ росли деревья, простиравшія навстрѣчу другъ другу свои длинныя, густо покрытыя листьями вѣтви. Тѣ изъ деревьевъ, которымъ въ ихъ естественномъ положеніи не удавалось сплести своихъ вѣтвей съ вѣтвями ихъ братьевъ на противоположномъ берегу, такъ вытягивались надъ водой, что корни ихъ вылѣзали изъ земли, и они таки добивались своего.

Элиза простилась со старушкой и пошла къ устью рѣки, впадавшей въ открытое море.

И вотъ, передъ молодой дѣвушкой открылось чудное безбрежное море, но на всемъ водяномъ пространствѣ не виднѣлось ни одного паруса, не было ни единой лодочки, на которой бы она могла пуститься въ дальнѣйшій путь. Элиза посмотрѣла на безчисленные валуны, выброшенные на берегъ моремъ: вода отшлифовала ихъ такъ, что они стали совсѣмъ гладкими и круглыми. Всѣ остальные выброшенные моремъ предметы: стекло, желѣзо и камни, — тоже носили слѣды этой шлифовки, а между тѣмъ, вода была мягче нѣжныхъ рукъ Элизы, и дѣвушка подумала: «Волны неустанно катятся одна за другой и, наконецъ, шлифуютъ самые твердые

предметы. Буду же и я трудиться неустанно! Спасибо вамъ за науку, свѣтлыя, быстрыя волны! Сердце говоритъ мнѣ, что когда-нибудь вы отнесете меня къ моимъ милымъ братьямъ!»

На выброшенныхъ моремъ сухихъ водоросляхъ лежали одиннадцать бѣлыхъ лебединыхъ перьевъ; Элиза собрала и связала ихъ въ пучокъ; на перьяхъ еще блестѣли капли—росы или слезъ, кто знаетъ? Пустынно было на берегу, но Элиза не чувствовала этого: море представляло собою вѣчное разнообразіе; въ нѣсколько часовъ тутъ можно было насмотрѣться больше, чѣмъ въ цѣлый годъ гдѣ-нибудь на берегахъ прѣсныхъ внутреннихъ озеръ. Если на небо надвигалась большая черная туча, и вѣтеръ крѣпчалъ, море какъ будто говорило: «Я тоже могу почернѣть!» — начинало бурлить, волноваться и «выворачивать бѣлки». Если же облака были розоватаго цвѣта, а вѣтеръ спалъ, и море было похоже на лепестокъ розы; иногда становилось оно зеленымъ, иногда бѣлымъ; но какая бы тишь ни стояла въ воздухѣ, и какъ бы спокойно ни было самое море, у берега постоянно было замѣтно легкое волненіе,— вода тихо вздымалась, словно грудь спящаго ребенка.

Когда солнце было близко къ закату, Элиза увидала вереницу летѣвшихъ къ берегу дикихъ лебедей въ золотыхъ коронахъ; всѣхъ лебедей было одиннадцать, и летѣли они одинъ за другимъ, вытянувшись длинною бѣлою лентой. Элиза взобралась на верхъ обрыва и спряталась за кустикъ. Лебеди спустились недалеко отъ нея и хлопнули своими большими бѣлыми крыльями.

Въ ту же самую минуту, какъ солнце скрылось подъ водой, опереніе съ лебедей вдругъ спало, и на землѣ очутились одиннадцать красавцевъ-принцевъ, Элизиныхъ братьевъ! Элиза громко вскрикнула; она сразу узнала ихъ, несмотря на то, что они успѣли сильно измѣниться; сердце подсказало ей, что это они! Она бросилась въ ихъ объятія, называла ихъ всѣхъ по именамъ, а они-то какъ обрадовались, увидавъ и узнавъ свою сестрицу, которая такъ выросла и похорошѣла. Элиза и ея братья смѣялись и плакали, и скоро узнали другъ отъ друга, какъ дурно поступила съ ними мачеха.

— Мы, братья, — сказали самый старшій: — летаемъ въ видѣ дикихъ лебедей весь день, отъ восхода до самаго заката солнечнаго; когда же солнце заходитъ, мы опять принимаемъ человѣческій образъ. Поэтому ко времени захода солнца мы всегда должны имѣть подъ ногами твердую землю: случись намъ превратиться въ людей во время нашего полета подъ облаками, мы тотчасъ же

упали бы съ такой страшной высоты. Живемъ же мы не тутъ; далеко-далеко за моремъ лежитъ такая же чудная страна, какъ эта, но дорога туда длинна, приходится перелетѣть черезъ все море, а по пути нѣтъ не единого острова, гдѣ бы мы могли провести ночь. Только на самой серединѣ моря торчитъ небольшой одинокой утесъ, на которомъ мы кое-какъ и можемъ отдохнуть, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Если море бушуетъ, брызги воды перелетаютъ даже черезъ наши головы, но мы благодаримъ бога и за такое пристанище: не будь его, намъ вовсе не удалось бы навѣстить нашей милой родины — и теперь-то для этого перелета намъ приходится выбирать два изъ самыхъ длинныхъ дней въ году. Лишь разъ въ годъ позволено намъ прилетать на родину; мы можемъ оставаться здѣсь одиннадцать дней и летать надъ этимъ большимъ лѣсомъ, откуда намъ видно дворецъ, гдѣ мы родились и гдѣ живетъ нашъ отецъ, и колокольную церкву, гдѣ покоится наша мать. Тутъ даже кусты и деревья кажутся намъ родными; тутъ по равнинамъ попрежнему бѣгають дикія лошади, которыхъ мы видѣли въ дни нашего дѣтства, а угольщики попрежнему поютъ тѣ пѣсни, подъ которыя мы плясали дѣтми. Тутъ наша родина, сюда тянетъ насъ всѣмъ сердцемъ, и здѣсь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! Два дня еще можемъ мы пробыть здѣсь, а затѣмъ должны улетѣть за море въ чудную, но не родную намъ страну! Какъ же намъ взять тебя съ собою? У насъ нѣтъ ни корабля, ни лодки!

— Какъ бы мнѣ освободить васъ отъ чаръ? — спросила братьевъ сестра.

Такъ они проговорили почти всю ночь и задремали только на нѣсколько часовъ.

Элиза проснулась отъ шума лебединыхъ крылъ. Братья опять стали птицами и летали въ воздухѣ большими кругами, а потомъ и совсѣмъ скрылись изъ виду. Съ Элизой остался только самый младшій изъ братьевъ; лебедь положилъ свою голову ей на колѣни, а она гладила и перебирала его перышки. Цѣлый день провели они вдвоемъ, къ вечеру же прилетѣли и остальные, и, когда солнце сѣло, всѣ вновь приняли человѣческой образъ.

— Завтра мы должны улетѣть отсюда и не смѣемъ вернуться раньше будущаго года, но тебя мы не покинемъ здѣсь! Хватитъ-ли у тебя мужества улетѣть съ нами? Моя рука довольно сильна, чтобы пронести тебя чрезъ лѣсъ — неужели же всѣ наши крылья не смогутъ перенести тебя черезъ море?

— Да, возьмите меня съ собой!—сказала Элиза.

Всю ночь провели они за плетеньемъ сѣтки изъ гибкой ивово-вой коры и тростника; сѣтка вышла большая и прочная; въ нее положили Элизу; превратившись на восходѣ солнца въ лебедей, братья схватили сѣтку клювами и взвились съ милой, спавшей еще сладкимъ сномъ сестрицей къ облакамъ. Лучи солнца свѣтили ей прямо въ лицо, поэтому одинъ изъ лебедей полетѣлъ надъ ея головой, защищая ее отъ солнца своими широкими крыльями.

Они были уже далеко отъ земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видитъ сонъ на яву, такъ странно было ей летѣть по воздуху. Возлѣ нея лежала вѣтка съ чудесными спѣлыми ягодами и пучокъ вкусныхъ кореньевъ; ихъ набралъ и положилъ къ ней самый младшій изъ братьевъ, и она благодарно улыбнулась ему, — она догадалась, что это онъ летѣлъ надъ ней и защищалъ ее отъ солнца своими крыльями.

Высоко-высоко летѣли они, такъ что первый корабль, который они увидѣли въ морѣ, показался имъ плавающею по водѣ чайкой. Въ небѣ позади ихъ стояло большое облако — настоящая гора!—на немъ Элиза увидала движущіяся исполинскія тѣни одинадцати лебедей и свою собственную. Вотъ была картина, какихъ ей еще не приходилось видѣть! Но по мѣрѣ того, какъ солнце подымалось выше и облако оставалось все дальше и дальше позади, воздушныя тѣневья картины мало-по-малу исчезали.

Цѣлый день летѣли лебеди, какъ пущенная изъ лука стрѣла, но все-таки медленнѣе обыкновеннаго; теперь, вѣдь, они несли сестру. День сталъ клониться къ вечеру, поднялась непогода; Элиза со страхомъ слѣдила за тѣмъ, какъ опускалось солнце,—одинокаго морского утеса все еще не было видно. Вотъ ей показалось, что лебеди какъ-то усиленно машутъ крыльями. Ахъ это она была виной того, что они не могли летѣть быстрѣе! Зайдетъ солнце, они станутъ людьми, упадутъ въ море и утонутъ! И она отъ всего сердца стала молиться Богу, но утесъ все не показывался. Черная туча приближалась, сильные порывы вѣтра предвѣщали бурю, облака собрались въ сплошную грозную свинцовую волну, катившуюся по небу; молнія сверкала за молніей.

Однимъ своимъ краемъ солнце почти уже касалось воды; сердце Элизы затрепетало; лебеди вдругъ полетѣли внизъ съ немовѣрною быстротой, и дѣвушка подумала уже, что всѣ они падаютъ; но нѣтъ, они опять продолжали летѣть. Солнце наполовину скрылось подъ водой, и тогда только Элиза увидала подъ собой

утесъ, величиною не больше тюленя, высунувшаго изъ воды голову. Солнце быстро угасало; теперь оно казалось только небольшою блестящею звѣздочкой; но вотъ лебеди ступили ногой на твердую почву, и солнце погасло, какъ послѣдняя искра догорѣвшей бумаги. Элиза увидѣла вокругъ себя братьевъ, стоявшихъ рука объ руку; всѣ они едва умѣшались на крошечномъ утесѣ; море бѣшено билось объ него и окатывало ихъ цѣлымъ дождемъ брызгъ; небо пылало отъ молніи, и ежеминутно грохоталъ громъ, но сестра и братья держались за руки и пѣли псаломъ, вливавшій въ ихъ сердца утѣшеніе и мужество.

На зарѣ буря улеглась, въ воздухѣ опять стало ясно и тихо; съ восходомъ солнца лебеди съ Элизой полетѣли дальше. Море еще волновалось, и они видѣли съ высоты, какъ плыла по темно-зеленой водѣ, точно миллионы лебедей, бѣлая пѣна:

Когда солнце поднялось выше, Элиза увидала передъ собой какъ бы плавающую въ воздухѣ гористую страну съ массами блестящаго льда на скалахъ; между скалами возвышался необозримый замокъ, обвитый какими-то смѣлыми воздушными галлереями изъ колоннъ; внизу подъ нимъ качались пальмовые лѣса и роскошные цвѣты, величиною съ мельничныя колеса. Элиза спросила, не это ли та страна, куда они летятъ, но лебеди покачали головами: она видѣла передъ собой чудный, вѣчно измѣняющійся облачный замокъ Фаты-Морганы *); туда они не смѣли принести ни единой человѣческой души. Элиза опять устремила свой взоръ на замокъ, и вотъ, горы, лѣса и замокъ сдвинулись вмѣстѣ, и изъ нихъ образовались двадцать одинаковыхъ величественныхъ церквей съ колокольнями и остроконечными окнами. Ей показалось даже, что она слышитъ звуки органа, но это шумѣло море. Теперь церкви были совсѣмъ близко, но вдругъ превратились въ цѣлую флотилію кораблей; Элиза взглядѣлась пристальнѣе и увидѣла, что это просто морской туманъ, подымавшійся надъ водой. Да, передъ глазами у нея были вѣчно смѣняющіеся воздушные образы и картины! Но вотъ, наконецъ, показалась и настоящая земля, куда они летѣли. Тамъ возвышались чудныя горы, кедровые лѣса, города и замки. Задолго до захода солнца, Элиза сидѣла на скалѣ передъ большою пещерой, точно обвѣшанной вышитыми зелеными коврами,—такъ обросла она нѣжно-зелеными ползучими растеніями.

*) Фата-Моргана—фея, олицетворяющая собою миражъ, магево.

— Посмотримъ, что приснится тебѣ тутъ ночью! — сказалъ младшій изъ братьевъ и указалъ сестрѣ ея спальню.

— Ахъ, если бы мнѣ приснилось, какъ освободить васъ отъ чаръ! — слезала она, и эта мысль такъ и не выходила у нея изъ головы.

Элиза стала усердно молиться Богу. И вотъ ей пригрезилось, что она летитъ высоко-высоко, по воздуху, къ замку Фаты-Морганы, и что фея сама выходитъ къ ней навстрѣчу, такая свѣтлая и прекрасная, но въ то же время удивительно похожая на ту старушку, которая дала Элизѣ въ лѣсу ягодъ и рассказала о лебедяхъ въ золотыхъ коронахъ.

— Твоихъ братьевъ можно спасти, — сказала она: — но хватитъ ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоихъ нѣжныхъ рукъ и все-таки шлифуетъ камни, но она не ощущаетъ боли, которую будутъ ощущать твои пальцы; у воды нѣтъ сердца, которое бы стало изнывать отъ страха и муки, какъ твое. Видишь, у меня въ рукахъ крапива? Такая крапива растетъ здѣсь возлѣ пещеры, и только она да еще та крапива, что растетъ на кладбищахъ, можетъ тебѣ пригодиться; замѣть же ее! Ты нарвешь этой крапивы, хотя руки твои покроются волдырями отъ обжоговъ; потомъ разомнешь ее ногами, ссучишь изъ полученныхъ волоконъ длинныя нити, затѣмъ сплетишь изъ нихъ одиннадцать рубашекъ-панцyrей съ длинными рукавами и набросишь ихъ на лебедей; тогда колдовство исчезнетъ. Но помни, что съ той минуты, какъ ты начнешь свою работу, и до тѣхъ поръ, пока не окончишь ея, хотя бы она длились цѣлыя годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвется у тебя съ языка, пронзитъ сердца твоихъ братьевъ, какъ кинжаломъ. Ихъ жизнь и смерть будутъ въ твоихъ рукахъ! Помни же все это!

И фея коснулась ея руки жгучею крапивой; Элиза почувствовала боль, какъ отъ обжога, и проснулась. Былъ уже свѣтлый день, и рядомъ съ ней лежалъ пучокъ крапивы, точь въ точь какъ та, которую она видѣла во снѣ. Тогда она упала на колѣни, поблагодарила Бога и вышла изъ пещеры, чтобы сейчасъ же приняться за работу.

Своими нѣжными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и руки ея покрывались крупными волдырями, но она съ радостью переносила боль: только бы удалось ей спасти милыхъ братьевъ! Потомъ она размяла крапиву голыми ногами и стала сучить зеленыя волокна.

Съ заходомъ солнца явились братья и очень испугались, видя что она стала нѣмой. Они думали, что это новое колдовство ихъ злой мачехи, но, взглянувъ на ея руки, поняли, что она стала нѣмой ради ихъ спасенія. Самый младшій изъ братьевъ заплакалъ; слезы его падали ей на руки, и тамъ, гдѣ упала слезинка, исчезали и жгучіе волдыри, утихала и боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; отдыхъ не шелъ ей на умъ; она думала только о томъ, какъ бы поскорѣе освободить своихъ милыхъ братьевъ. Весь слѣдующій день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинешенька, но никогда еще время не летѣло для нея съ такой быстротой. Одна рубашка-панцырь была готова, и дѣвушка принялась за слѣдующую.

Вдругъ въ горахъ послышались звуки охотничьихъ роговъ; Элиза испугалась; звуки все приближались, затѣмъ раздался лай собакъ. Дѣвушка скрылась въ пещеру, связала всю собранную ею крапиву въ пучокъ и сѣла на него.

Въ ту же минуту изъ-за кустовъ выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья; онѣ громко лаяли и бѣгали взадъ и впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ у пещеры собрались всѣ охотники; самый красивый изъ нихъ былъ король той страны; онъ подошелъ къ Элизѣ,—никогда еще онъ не встрѣчалъ такой красавицы.

— Какъ ты попала сюда, прелестное дитя?—спросилъ онъ, но Элиза только покачала головой; она, вѣдь, не смѣла говорить: отъ ея молчанія зависѣли жизнь и спасеніе ея братьевъ. Руки свои Элиза спрятала подъ передникъ, чтобы король не увидалъ, какъ она страдаетъ.

— Пойдемъ со мной!—сказалъ онъ.—Здѣсь тебѣ нельзя оставаться! Если ты такъ же добра, какъ хороша, я наряжу тебя въ шелкъ и бархатъ, надѣну тебѣ на голову золотую корону, и ты будешь жить въ моемъ великолѣпномъ дворцѣ!—И онъ посадилъ ее на сѣдло передъ собой; Элиза плакала и ломала руки, но король сказалъ: — Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня!

И повезъ ее черезъ горы, а охотники скакали слѣдомъ.

Къ вечеру передъ ними показалась великолѣпная столица короля, съ церквами и куполами, и король привелъ Элизу въ свой дворецъ, гдѣ въ высокихъ мраморныхъ покаяхъ журчали фонтаны, а стѣны и потолки были изукрашены живописью. Но Элиза не смотрѣла ни на что, плакала и тосковала; безучастно отдалась она въ распоряженіе прислужницъ, и тѣ надѣли на нее королевскія